

вм аш а ш аш
м а ш а ш аш
а ш а ш а ш аш
ш а ш а ш аш
а ш а ш а ш аш
ш а ш а ш аш
а ш а ш а ш аш

Флоран Габаррон-Гарсия Народная история психоанализа

Флоран Габаррон-Гарсия

Народная история психоанализа

«Ад Маргинем Пресс»

2021

УДК 159.964.2
ББК 88.1

Габаррон-Гарсия Ф.

Народная история психоанализа / Ф. Габаррон-Гарсия — «Ад
Маргинем Пресс», 2021

ISBN 978-5-91103-829-8

В своей книге аналитик, преподаватель и член редакции журнала *Chimères* Флоран Габаррон-Гарсия опровергает политический нейтралитет психоанализа. Он, по утверждению автора, всегда являлся важной частью общественной культуры и немислим вне контекста всемирной истории. Габаррон-Гарсия проливает свет на вытесненные и практически преданные забвению аспекты психоанализа, идущие вразрез с логикой капитализма, которой он, как и многие другие дисциплины, следует в наши дни. Рассказывая о деятельности Вильгельма Райха, Веры Шмидт, Мари Лангер, Феликса Гваттари и других, Габаррон-Гарсия фокусируется на революционной составляющей психоанализа и демонстрирует, как эта дисциплина выступала оружием в борьбе за эмансипацию. Цель автора — рассказать читателю «народную» историю психоанализа: историю сопротивления практикам карательной психиатрии, диктатурам, «господской» позиции аналитика и стремления улучшить жизнь простых людей. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 159.964.2
ББК 88.1

ISBN 978-5-91103-829-8

© Габаррон-Гарсия Ф., 2021

© Ад Маргинем Пресс, 2021

Содержание

Введение	7
I	14
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Флоран Габаррон-Гарсия

Народная история психоанализа

Florent Gabarron-Garcia

Histoire populaire de la psychanalyse

La Fabrique Editions, 2021

© La Fabrique Éditions, 2021

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2025

Введение

Психоанализ: новый цепной пес?

Вот уже несколько десятилетий, как психоанализ стал по большей части глубоко и откровенно реакционным. В последнее время список его охранительных позиций пополняется всё быстрее, взбираясь всё выше по шкале глупости, невежества и самообмана.

Это началось во времена ажиотажа вокруг вопросов безопасности, когда были заклеены «молодежные банды в униформах», переставшие уважать «знание» и «авторитет»¹. После легализации договора о совместном проживании и ведении домашнего хозяйства (PACS), а затем гомосексуального брака *, усыновления детей в гомосексуальных парах и вспомогательных репродуктивных технологий широкий медийный резонанс получили и другие тезисы, распространяемые некоторыми психоаналитиками: они утверждали, что подорваны сами основы желания и что это означает приближение антропологической катастрофы. Критика «патроцентристского» общества, признание гомосексуального желания и завоевание новых, сопровождающих эти формы признания прав – всё это, если их послушать, предвещает конец самого «человеческого бытия на Земле»². Защитники этого апокалиптического взгляда нашли ему новое подтверждение в недавних социально-политических событиях, обильно ими прокомментированных. По их словам, движение #MeToo означает то, что «неофеминизм, не понимающий различий», ведет к созданию больного общества безотцовщины и беспредела, в котором воспитание детей будет обречено на неудачу и на безумие, а культура застрянет в тупике. Затем те же комментарии высказывались по поводу протестов желтых жилетов – некоторые анализировали их в категориях «инфантильного нарциссического всемогущества» и «расторжения влечений к смерти». Государство, увязшее во вседозволенности, давно лишилось, по их мнению, мужского авторитета: дети «большой матери» более не понимают ограничений, необходимых для совместной жизни³. Наконец, вот и главный перл в этом цветнике, или великом собрании глупостей: после гендерных исследований⁴ ответственным за укрепление тоталитарной мысли, угрожающей «Мышлению» и «нашей Культуре», объявляется «интерсекционистский» подход, обосновавшийся в университете. В то время, когда в публичном пространстве продолжает распространяться расизм, причиной зла, подтачивающего

¹ *Gauchet M. Débat autour de L'homme sans gravité avec Pierre Beckouche // C. Melman. La nouvelle économie psychique. Toulouse: Érès, 2010. – Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примеч. авт.*

² «Наши антропологи и социологи, если бы они хотели стать чуть серьезнее, вместо того чтобы рассуждать о наилучших компромиссах и наибольшем комфорте, которые можно найти в новых формах семьи, лучше бы спросили, не является ли всё это предвестием исчезновения жизни и человеческого бытия на Земле. Сегодня единственные, кто хотят жить семьей, – это... гомосексуалисты! Сегодня они требуют для себя права брака, а некоторые и права иметь детей, тогда как те, кого называют „нормальными“, думают только об одном – как бы уничтожить семью, избавиться от нее». См.: *Melman C. L'homme sans gravité. Jouir à tout prix. Entretiens avec Jean-Pierre Lebrun, janvier-août 2008. Paris: Denoël, 1re éd. 2002.*

³ *Schneider M. Lexique du ressentiment // Le Débat. No. 204. 2019. Тезис об «излишне феминизированном» государстве и критика «систематического» и «инцестуозного» дрейфа политики к «женским ценностям» (щедрости, чувствительности, мягкости...) отстаиваются, к примеру, в работе: Schneider M. Big mother. Paris: Odile Jacob, 2002.*

⁴ Эти атаки в последнее время возобновились с еще большей силой. Если верить, например, Жаку-Алену Миллеру, недавняя кампания против гендерной дискриминации (в которой люди должны пожать друг другу руки и помириться друг с другом, несмотря на различия в сексуальной ориентации) «растоптала любые приличия». По его словам, она «позволяет себе» «проникнуть в наиболее интимную сферу человеческой жизни», чтобы «диктовать поведение отцу и матери, молодым и старым». Речь, получается, идет ни много ни мало об «испоганивании», цель которого на самом деле в «цензуре поведения» и в «фальсификации желания в самом лоне семьи» ради его «переобучения». См.: *Miller J. -A. L'École de la Tolérance // Lacan Quotidien. No. 930. 2 juin 2021. P. 5 (URL: <https://web.archive.org/web/20210602064744/https://lacanquotidien.fr/blog/wp-content/uploads/2021/06/LQ-930.pdf>).*

наше общество и угрожающего ему внутренним взрывом, объявляются не социальные неравенства, но идеологическая власть интеллектуалов и университетских ученых деколониального и/или постколониального направления, которые якобы склоняют к коммунитаризму и подготавливают тоталитаризм ⁵.

Все эти позиции, надевающие маску показной смелости и отчаянного «противостояния конформизму» – и подчас преподносящие себя в качестве ни много ни мало критики неолиберализма, – обладают, несмотря на все свои расхождения, одной общей чертой: все они выступают против конкретного политического равенства. В действительности, они – не что иное, как свидетельство поколения, ставшего в своей массе охранительным ⁶. Поколение это, враждебное и дотошное, яростно сопротивляющееся утверждению новых прав, в культурном плане пессимистическое, а в антропологическом – упадническое, всеми фибрами души ненавидит политическое равенство, которое, по словам некоторых из его светочей, выражает не что иное, как «пожелание смерти»! ⁷ В своей горячности оно более не может терпеть критики, разоблачающей угнетение, осуществляемое его же собственным миром ⁸.

Этот реакционный расцвет, подчас весьма громогласный, не такая уж невидаль. Новым, возможно, является лишь медийный шум и закрепление самой этой реакционности в публичном пространстве. На самом деле, еще в 1980-х годах неоаналитическая догма, ориентирующаяся на модель новых философов, начала производить литературу, пышущую ненавистью к Истории и прогрессу, дав буйную поросль (конечно, в те времена это еще не производило такого шума, как сегодня) внутри психоанализа как дисциплинарного поля. Она-то и подготовила территорию грядущей реакции. История, в особенности всякая прогрессивная и революционная история, должна была подвергнуться систематическому отрицанию. А потому май 1968-го поспешили проанализировать как «анальную регрессию»⁹. Однако, поскольку надо же и о себе подумать, «пролечиться» нужно было и самому полю психоанализа. Любой политизированный психоанализ был поэтому дискредитирован. По мнению запевал этого направления, необходимо было прояснить «опасные политические заскоки» *Анти-Эдипа* ¹⁰ или того же Райха ¹¹. К тому же для них это были всего лишь «отдельные фигуры», «маргиналы», да

⁵ Восемьдесят психоаналитиков подняли бунт: La pensée décoloniale renforce le narcissisme des petites différences // Le Monde. 25 septembre 2020. Теракты следующего месяца послужат предлогом для подкрепления этой точки зрения, достойной конкурса ультраправых идей имени Марка Лепина. Интеллектуалы призывают министра образования вмешаться и проконтролировать этих опасных университетских мыслителей! См.: Sur l'islamisme, ce qui nous menace c'est le déni // Le Monde. 31 octobre 2020.

⁶ D'Hocquenghem G. Lettre ouverte à ceux qui sont passés du col Mao au Rotary. Marseille: Agone, 2003 [1986]. Мы не можем рассмотреть здесь клинические следствия этих реакционных предрассудков, которые можно было бы выявить на практике. Однако можно предположить, что такие следствия действительно возникли. В нашей предыдущей книге мы изучили этот вопрос в связи с определенной концепцией психоза и весьма специфической политической сегрегацией, объектом которой могут стать эти люди, страдающие тяжелым психическим расстройством, особенно в рамках презентации больных некоторыми врачами-лаканистами. См.: Gabarron-Garcia F. L'héritage politique de la psychanalyse. Paris: La lenteur, 2018.

⁷ «Откуда это требование равенства? Почему мы не можем терпеть различия? Почему неравенство для нас невыносимо? (...) Любопытно, что, как мне кажется, никто не отметил того, что равенство, которое нам кажется основным лозунгом гуманизма и прогресса, является пожеланием смерти». См.: Melman C. La nouvelle économie psychique. Мельман говорит здесь о неравенстве мужчины и женщины.

⁸ К счастью, с некоторых пор ведется и ответный огонь. В качестве примера можно привести следующие работы: Bourlez F. Queer psychanalyse. Clinique mineure et déconstructions du genre. Paris: Hermann, 2018; Lazali K. Le trauma colonial, une enquête sur les effets psychiques et politiques contemporains de l'oppression coloniale en Algérie. Paris: La Découverte, 2018; Ayouch T. Psychanalyse et hybridité. Genre, colonialité, subjectivations. Leuven: Leuven University Press, 2018; Boni L., Mendelsohn S. La vie psychique du racisme. Paris: La Découverte, 2021, а также нашу предыдущую книгу: Gabarron-Garcia F. L'héritage politique de la psychanalyse. Op. cit. Данная работа представляет собой прямое продолжение предшествующей. Мы заимствуем из нее некоторые решающие элементы, связанные с самым подходом народной истории. И простит нас читатель: такое повторение необходимо, чтобы продвинуться в этом конкретном исследовании.

⁹ Stéphane A. L'univers contestationnaire. Paris: Payot, 1969.

¹⁰ Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.

¹¹ В частности, мы проанализировали в нашей предшествующей работе судьбу, уготованную книге Делёза и Гваттари *Анти-Эдип* (см.: Gabarron-Garcia F. L'héritage politique de la psychanalyse. Op. cit.). В данной работе воспроизводятся неко-

и вообще Фрейд бы «и сам удивился»¹² тому, что французское психоаналитическое движение вляпалось в май 1968-го. Так был закрыт «нездоровый период политического активизма» в истории психоанализа¹³. Говоря же в целом, всякий фрейд-марксистский, или прогрессистский, подход стал подозреваться в наихудшем. Его эгалитаристская направленность была представлена в качестве способа всего лишь «отрицать нехватку», то есть кастрацию. Он вел к опасной концепции, стремящейся к отрицанию агрессивности, конститутивной для сексуального влечения, и страха как следствия вины, присущей психике человека, а потому и образующей не что иное, как основу для тоталитаризма. Поэтому психоанализ следовало «очистить». Выдавая за аксиому метафору «чистого золота психоанализа»¹⁴, студентам, в том числе и мне самому, стали объяснять, что пришло время выбирать: либо «фантазматическая иллюзия политики», либо «этика Субъекта и его истина». Психоанализ, «протрезвевший от идеалов», более не мог быть активистским (да и в прошлом это было для него невозможным), а если и мог, то только в русле защиты самого психоанализа¹⁵.

Психоанализ достиг наконец l'âge de raison – совершеннолетия, что должно было сказаться на направлении его исследований. Вскоре ненависть к истории и деятелям освобождения, подорвавшимся на Тождественности законов вечного бессознательного, достигла невиданного накала в анализе Французской революции, которую стали систематически связывать с Террором. Этот не слишком удачный подход, сегодня изрядно потрепанный, стал хорошо известен после работ Фюре¹⁶. Но не столько даже у самого Фюре, сколько в тезисах неоаналитиков следует распознать виртуозное исполнение одного отточенного паралогизма, действующего по безотказному методу: Революция у них становится, по сути, всего лишь эдиповой историей. Вся революционная хронология 1789 года переписывается по лекалу эдиповой хронологии, представляясь в качестве *регрессии*¹⁷ – в захватывающей инфантилизации Истории, решительно пренебрегающей фактами. Также недавно Французскую революцию связали с «желанием смерти отца»¹⁸. То же самое уничтожение процесса эмансипации и ее героев заметно, конечно, и в анализе современности: в период арабских восстаний некоторые, не колеблясь, охарактеризовали выразившееся в них желание в качестве «желания потребления», индивидуалистического притязания на «право наслаждаться» потреблением «отравленных удовольствий Одного-счетного и Одного-единственного, которыми себя тешит Дядюшка Сэм»¹⁹.

торые из критических элементов предыдущей, чтобы можно было углубить аспекты, исследование которых нам пришлось отложить.

¹² Mijolla A., Mijolla-Mellor S. *Psychanalyse*. Paris: Puf, 1996. P. 792.

¹³ Заявление Жака Хохмана на семинаре *Utopsy*.

¹⁴ Задача состоит, судя по всему, в том, чтобы противопоставить «чистое золото психоанализа» «свинцу психотерапий». Но на самом деле ошибка, допущенная в переводе А. Берман текста Фрейда [имеется в виду текст *Пути психоаналитической терапии*, см.: Фрейд З. *Пути психоаналитической терапии* // З. Фрейд. *Собрание сочинений* в 10 т. *Дополнительный том. Сочинения по технике лечения* / пер. А. Боковой. М.: ООО «Фирма СТД», 2008. С. 249. – *Примеч. пер.*], полностью переиначивает смысл. Фрейд противопоставляет не «золото психоанализа» «свинцу психотерапии», но «золото» «меди». Выступая за золото, он приписывает ему большую твердость (ювелиры работают с «красным золотом»). Психоанализ, похоже, не заметил иронии Фрейда. «Золото психоанализа» указывает на фантазм чистоты, который Фрейд умел раскрывать уже у некоторых из своих коллег.

¹⁵ Miller J. -A. *Lacan et la politique* // *Cités*. No. 16. Paris: Puf, 2003. P. 105–123.

¹⁶ Фюре Ф. *Постижение Французской революции* / пер. Д. Соловьева. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.

¹⁷ André J. *La révolution fratricide*. Paris: Puf, 1993. От «убийства отца» на казни Людовика XVI к краткому периоду братства 1789–1791 годов, являющемуся выражением «латентной гомосексуальности деятелей», которая «пока еще не раскрывает опасностей своей амбивалентности», к «провалу Конституции», который завершится Террором, поскольку «благодаря инстанции отца он ставит под вопрос принцип репрезентации, опосредования». С этого момента всё решено: можно убить короля, но нужно снова ввести его принцип в Конституцию. Без отцовского третейства революция «обращается против самой себя» во «влечении к смерти», это Террор и «братоубийство». Идея возможной прямой демократии, обходящейся без представителей, для автора, видимо, остается немислимой.

¹⁸ Assoun P. -L. *Tuer le mort, le désir révolutionnaire*. Paris: Puf, 2015.

¹⁹ Miller J. -A. *Communiqué pour Rafah Nached* // *La règle du jeu*. 13 septembre 2011 (URL: <https://laregledujeu.org/2011/09/13/7095/jacques-alainmiller-sengage-pour-la-liberation-derafah-nached/>).

Не будем продлевать этот список печальных примеров. Сегодня приходится признать досадный факт: если новые философы, как и реакционные историки, были раскритикованы и в целом утратили популярность, то психоанализ, похоже, сменил их в роли «нового цепного пса» власти. Конечно, караул по-прежнему несут во имя антропологических аргументов о «структуре психики», которые, считается, значат больше любой социальной реальности. В логике парадокса, свойственного извращению в его психопатологическом смысле, эта догма, которая кормит нас сегодня своими предрассудками о мужчине, женщине и политике, представляя агрессивность в качестве чего-то естественного, в то же время уверяет, что она устремлена вперед, к так называемому политическому нейтралитету, таинственная привилегия которого у нее якобы имеется. Как и всякая другая буржуазная мысль, этот психоанализ считает, что высказывает истину человеческой природы, независимо от культурных и исторических различий. Но можно ли его всё еще считать психоанализом? Это большой вопрос. И именно по этой причине мы предлагаем говорить не о психоанализе, а о «психоанализме» (*psychanalysme*) как дискурсе, причастном господству и фабрикации идеологии как «совокупности идейных продуктов, посредством которых господствующий класс оправдывает свое господство».

В отличие от Робера Кастеля, у которого мы позаимствовали этот термин, послуживший ему названием работы, вышедшей в 1970-е²⁰, для нас психоанализм не является главным предметом исследования. Возможно, он и правда врожденная болезнь нашей дисциплины: еще в 1920-е годы психоаналитик Аурел Колнаи не боялся трактовать коммунизм – вполне «нейтральным образом» – в качестве «регрессии к матери»²¹. Возвращаясь к самым первым этапам истории психоанализа как дисциплины, неизменно обнаруживаешь, что психоанализ, судя по всему, всегда преследовал поле аналитической теории и практики – то как маловлиятельный пугливый призрак, то как всемогущее чудовище, подминающее ее под себя, всё зависело от социально-исторических условий, более или менее благоприятствующих его развитию. Но если изучить современную аналитическую литературу – например, начиная с 1980-х годов, – можно, если несколько смягчить выражения, ведь я и сам на ней учился, сказать, что психоанализ как дисциплина оставался до самого последнего времени под властью этого настоящего Левиафана психоанализма. И именно его намеревается эта книга разгромить – не исследуя его, однако, в качестве прямого объекта, но предлагая контрмеру. Психоанализм – это, определенно, тенденция, присущая нашей дисциплине, одно из возможных отклонений, которые заводят ее в тупик, где она слепнет. Он предполагает определенное отношение к Истории, которую овеществляет, отношение, из которого мы предлагаем выйти, начав с истории нашей собственной дисциплины.

К политической истории психоанализа

Сказка о нейтральном психоанализе далека от правды. Это доказывают сила и плодотворность политизированного психоанализа, психоанализа 1920-х, сегодня во многом «забытого», хотя его главной фигурой был сам Фрейд, или же 1970-х, на которые обычно взирают с презрением, хотя они и стали продолжением 1920-х. Но мы увидим, что и за пределами двух этих парадигмальных этапов политический взгляд составляет на самом деле неотъемлемую часть психоанализа, в том числе – и, возможно, особенно – потому, что он стремится избежать этого взгляда, проваливаясь в психоанализм.

Сколь бы удивительным это ни казалось многим современным аналитикам, Фрейд *на практике* сам отстаивал прогрессивную и оптимистическую политическую позицию, положи-

²⁰ Мы также разделяем его взгляды. См.: *Castel R. Le psychanalysme, l'ordre psychanalytique et le pouvoir*. Paris: Maspero, 1973.

²¹ *Колнаи А. Психоанализ и социология. К психологии масс и общества / пер. А. Чесалкиной. Ижевск: ERGO, 2014.*

тельно оценивая даже коммунизм, по крайней мере вплоть до 1927 года ²². Эта позиция была свойственна многим аналитикам ²³; впоследствии многие из них будут ее разделять и развивать спустя долгое время после Фрейда. В 1920-х передовой, но малоизвестный эксперимент Веры Шмидт и созданного ею в большевистской России детского дома, эксперимент, оказавший революционное воздействие на детский психоанализ и в те времена не имевший аналогов в Западной Европе, вызовет у Фрейда и его коллег живейший интерес и послужит многим аналитикам примером.

Также мы вернемся к истории Вильгельма Райха. Отвергая клише, говорящие о его второстепенном положении, мы увидим, что в 1920-е годы он связан со вполне уважаемым третьим поколением аналитиков, практически все представители которого отличались заметной политической ангажированностью ²⁴. Долгое время Фрейд поддерживал этих молодых аналитиков, которые, не успев обзавестись частными клиентами, увлеченно занялись клинической практикой среди беднейших классов.

Мы увидим, что «отлучение» Райха в 1929 году, о котором вечно твердят апологеты психоаналитического пессимизма, в действительности берет начало в важном теоретическом повороте, совершенном Фрейдом. В существенно ухудшившейся геополитической ситуации этот поворот задаст новую практическую ориентацию, которая, не ограничиваясь делом Райха, поставит под удар основное большинство аналитиков. Он будет означать тяжелейшие последствия для международного психоанализа, которые сегодня, глядя в прошлое, можно считать более серьезными, нежели зловещее продвижение в те же годы арийской психологии Юнгом ²⁵, ставшим для ортодоксальной историографии главным пугалом.

Траектория Мари Лангер, развертывающаяся с начала 1930-х в противоход к этому повороту Фрейда, с нашей точки зрения, не менее важна для судьбы психоанализа. Лангер, марксистка, феминистка, коммунистка и молодой психоаналитик, становится бескомпромиссным участником революционной деятельности. Как и Райх, она остается убежденной в единстве своей борьбы на трех фронтах – психоанализа, марксизма и феминизма. Мы проследим ее путь, который ведет из Красной Вены в Аргентину, с остановкой в испанских интернациональных бригадах ²⁶.

Другая длительная цепочка событий, особенно поучительная для нашей истории, складывается вокруг Франсуа Тоскейеса. Тоскейес, учившийся в Каталонии у психоаналитиков Красной Вены, эмигрировавших из-за войны, защищает каталонскую коммуну, чтобы потом заняться революционными преобразованиями во французской больнице Сент-Альбан. Клиника Ла Борд, основанная в 1953 году Ури (к которому вскоре присоединился Гваттари), станет частью той же генеалогической линии.

Наконец, мы поговорим об обновлении немецкого психоанализа в Гейдельберге в 1970-х и об истории СКП (Социалистического коллектива пациентов). Революционный радикализм этого эксперимента, как и обрушившиеся на него насильственные меры, примененные государством, в чем-то созвучны трагической судьбе немецкого психоанализа, столкнувшегося с нацизмом в 1940-х, и молчанию, всё еще окутывающему эту историю в поле самого психоанализа, несмотря на многочисленные работы историков.

²² Это не означает, что Фрейд был коммунистом.

²³ *Jacoby R. Otto Fenichel: destins de la gauche freudienne*. Paris: Puf, 1986. P. 21.

²⁴ Даже если верно то, что политическая ангажированность у этого поколения была, видимо, больше выражена, чем у предыдущего, будучи связанной с межпоколенческими расхождениями во взглядах и с конфликтами, к которым мы еще вернемся, на самом деле политически ангажированными были все – и старые, и молодые.

²⁵ Для Юнга в тот момент вопрос был уже не в психоанализе.

²⁶ Хотя мы и не будем прослеживать ее путь до конца, отметим всё же, что она продолжит свою политическую деятельность и в аналитической практике, проводимой среди революционеров Манагуа.

Как станет ясно читателю, мы будем придерживаться метода, противоположного тому, что мы сами выучили в парижских «школах психоанализа». Вместо того чтобы замыкать чтение на экзегезу, задача состоит, напротив, в раскрытии текстов для Истории. Проясняя конкретные клинические и политические сети и практики аналитиков в их историческом контексте, а также возвращаясь к некоторым основополагающим текстам – Фрейда, но не только, – мы увидим, как складывается совсем иная история, история практик²⁷. Она же, в свою очередь, позволит по-новому понять классические тексты и их интерпретации. Несмотря на внешнюю разнородность и прерывистость нашего повествования, в котором совмещаются траектории разных аналитиков, относящихся к разным историческим периодам, мы увидим, как связываются линии преемственности, их объединяющие, будь то в форме странных повторений травм, вторящих друг другу сквозь годы, пространство и войны, или же в форме практических экспериментов, которые, какими бы единичными они ни были, откликаются друг другу эхом. Наконец, мы попытаемся показать в то же время то, что объединяет нас сегодня с этими политизированными моментами психоанализа, а также обозначить препятствия, нас от них отделяющие. История, представленная здесь нами, – это прежде всего *история возможностей*, которая снова ставит под вопрос официальное повествование о нашей дисциплине, проясняя некоторые из его решающих развилки; последние обычно не привлекают к себе внимания официальной психоаналитической историографии во Франции, преподаваемой на университетских факультетах психоанализа или же в «школах» психоанализа, нам известных. В конечном счете задача состоит в том, чтобы иначе истолковать и прояснить само актуальное состояние дисциплины и, возможно, заново раскрыть психоанализ, позволив ему воссоединиться с радикальностью фрейдовского открытия²⁸. Следует, возможно, напомнить: кушетка – это, по сути, место протеста и высказывания, и прежде всего женского. Изобретение Фрейдом *talking cure*, лечения разговором, начинается с протеста его пациенток против медицинского порядка – преимущественно мужского, – который их не слушал. Эпилепсия, паралич, истерия – для всего этого не нашлось причины в органической этиологии. Как же проигнорировать то, что вспышка симптомов, приносящих им страдания, и торможение в мышлении, их поразившее, были связаны с социальным господством, которому они были подчинены, и с подавлением, объектом которого они оказывались, как полагал Фрейд, с самого детства? Спустя десятилетия Фанон сделал похожее наблюдение, отметив во время войны за освобождение Алжира наличие у некоторых из его пациентов, жителей бывшей колонии, таких симптомов, как язвы и искривления позвоночного столба²⁹. Психоанализ – это пространство проработки этой уникальной речи, первоначально стесненной, которая пытается заставить себя услышать, вопреки господству, отрицанию, захвату и извращению; тогда как аналитик зачастую должен становиться свидетелем немого и безымянного страдания, которое способно захватить само реальное тело и от которого освободить субъекта способна лишь работа такой терапии. Эта возможность для субъекта взять судьбу в свои руки, проторить пути, позволяющие наделять правом его желание и выйти из состояния несовершеннолетия, – вот в чем заключается обещание, сделанное психоанализом. В неразберихе современного господства, во времена опас-

²⁷ Нам, конечно, понятны пробелы нашего слишком краткого изложения, в котором могло бы найтись место и для многих других фигур и психоаналитических экспериментов, остающихся неизвестными или намеренно забытыми. К этому вопросу мы вернемся в заключении.

²⁸ Поскольку по образованию я историком не являюсь, к этому исследованию меня подтолкнули прежде всего занятия клинической аналитической практикой (см. мою предыдущую книгу: *Gabarron-Garcia F. L'héritage politique de la psychanalyse*. Op. cit.). Но, ориентируясь на этот раз на именитых историков, я пришел к мысли, что сами эти эмпирические обстоятельства и занятая мной позиция, из них вытекающая, – вот что придает силы моему тезису и делает его понятным. Текст всегда расположен в какой-то ситуации, и минимальная строгость исследователя, состоит не в том, чтобы сделать вид, будто абстрагируешься от самого себя ради «объективности», но в том, чтобы признать занятую тобой позицию, которая, как будет ясно читателю, здесь заключается в приоритете *революционного подхода в психоанализе*.

²⁹ *Fanon F. Les damnés de la terre*. Paris: La Découverte, 2004.

ного возвращения органицистской этиологии всё это говорит о том, насколько ценным остается для наших времен лечение речью, ценность которого определяется самим его революционным запалом.

I

Фрейд смотрит на Восток. Вера Шмидт и психоанализ в Стране Советов

Фрейд и коммунистическая гипотеза

Одна общеизвестная линия экзегезы чаще всего выделяет во Фрейде культурный пессимизм, характерный якобы для аналитической теории. Этот подход обычно опирается на одну из его поздних книг, *Неудовлетворенность культурой*³⁰ (1930), в которой Фрейд решительно осуждает коммунизм и, возвращаясь к максиме Гоббса, утверждающей, что «человек человеку волк», представляет подавление, осуществляемое культурой, в качестве неизбежного зла, необходимого, чтобы совладать с влечениями индивида. Некоторые аналитики, опирающиеся на этот источник, доходят до утверждений о безальтернативности этого пути – «Зло», по их словам, оказывается тем, что присуще Человеку как таковому³¹. Другие же, не столь одурманенные метафизикой Зла, развивают более остроумные, но при этом равно проблематичные аргументы, полагая, что психоаналитик должен придерживаться *политического нейтралитета*. Разве Джонс, коллега Фрейда, самый близкий ему в конце его жизни, и автор монументальной агиографии венского учителя – которая по-прежнему числится авторитетной³², – не рассказывал, что, по Фрейду, психоанализ не имеет «политической окраски», что он может быть лишь «телесного» цвета?³³ Таким образом, считалось, что позиция учителя сводится к тому, «чтобы не иметь никакой позиции». Пессимизм или «индифферентность»³⁴ – вот в чем господствующее прочтение видело политический итог всего творчества Фрейда, а часто, путем расширительного толкования, и всего психоанализа в целом.

И, конечно, читатель согласится с тем, что такое прочтение далеко не невинно. Оно не только не учитывает тонкостей и развития мысли Фрейда, но и, что, собственно, и является предметом нашей книги, упускает из виду существование политически ангажированных *психоаналитических практик*, инициатором которых выступил сам Фрейд. На всемирном психоаналитическом конгрессе 1918 года в Будапеште Фрейд призвал начать применять классический психоанализ среди обделенных слоев общества, хотя раньше он занимался лишь обеспеченными. Высказанное им пожелание создать народную психотерапию осуществится, когда после конгресса будет создано около дюжины поликлиник по всей Европе. На этот призыв ответят аналитики во всех крупных европейских городах того времени – в Будапеште, Москве, Вене, Загребе, Лондоне, Триесте, Риме, Франкфурте и Париже. Политическая ставка этой инициативы не оставляет никаких сомнений, она заявлена прямо и безапелляционно. Она получила выражение даже и в орфографии: слово «*policlinique*» («поликлиника») пишется в этом случае с «i» как в «*politique*» («политика»), а не с «u», что указывало бы на множество разных форм

³⁰ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой / пер. А. Боковой // З. Фрейд. Собрание сочинений в 10 т. Указ соч. Т. 9. Очевидно, культурный пессимизм проявлялся в его творчестве и раньше, но в гораздо более ограниченном масштабе.

³¹ Не дотягивая по качеству мысли до Гоббса, психоанализм скатывается здесь в демонологическую метафизику: «Свойство человека – наслаждаться грязным или, если угодно, нечистым, и никогда не отказываться от желания причинить зло» (*Schneider M. Big mother. Op. cit. P. 11*). Поэтому легко понять авторитарную (или патерналистскую) политику, которая должна, соответственно, быть учреждена, во избежание войны всех против всех.

³² Позиция Джонса всё еще пользуется авторитетом в среде аналитиков, хотя большинство историков в целом поставили ее под вопрос.

³³ Jones E. La vie et l'œuvre de Sigmund Freud. T. III. Paris: Puf, 2006. P. 389.

³⁴ Assoun P.-L. Freudisme et indifférentisme politique // Hermès. No. 5–6. CNRS Éditions, 1989. P. 346.

лечения (*polyclinique*)³⁵, то есть это наименование прямо говорило об ангажированности в политическом пространстве. А это значит, что психоаналитик не может считаться безразличным, а психоанализ – нейтральным.

В то же время эти аналитики не являются «отдельными революционерами», и столь же мало их можно считать представителями «авангарда». Дело в том, что революционна вся эта эпоха в целом: империи и монархии, казавшиеся нерушимыми и поставленными на века, сметены коммунистическими и социалистическими революциями. В 1917 году этот путь был открыт Россией; вскоре эстафету у нее перенимают Венгрия и Германия. С точки зрения большинства деятелей того времени, это движение носит общемировой характер. Фрейд стал вместе со своими современниками свидетелем социальных революций послевоенного периода и, надо напомнить, в целом одобрял их направленность – к этому мы еще вернемся. Действительно, следы политико-теоретической ангажированности Фрейда, по крайней мере до 1927 года, обнаруживаются в его книге *Будущее одной иллюзии*, где он оправдывает восстание масс против культуры, в которой меньшинство угнетает большинство: «Если же, кроме того, культура не смогла выправить ситуацию, когда удовлетворение некоторого числа ее представителей имеет предпосылкой угнетение других, возможно, большинства, – а так обстоит дело во всех современных культурах, – то совершенно понятно, что эти угнетенные проявляют сильнейшую враждебность к культуре, существование которой они обеспечивают своим трудом, но к благам которой они причастны лишь в незначительной степени. В таком случае интернализации культурных запретов у угнетенных ожидать не приходится. (...) Не стоит говорить, что культура, оставляющая столь большое число участников неудовлетворенными и толкающая их на бунт, не имеет шансов существовать долгое время, да и не заслуживает этого»³⁶.

Эту книгу Фрейда часто прочитывают в свете антикоммунизма и антропологического пессимизма следующей работы – *Неудовлетворенности культурой*; тогда как эту его более позднюю позицию оправдывают политически, заявляя, что толпы по своей природе глупы и не поддаются убеждению, а потому, получается, нужны вожди, которые заставят их повиноваться. Такое прочтение означает, как минимум, полное игнорирование нюансов позиции Фрейда. В *Будущем одной иллюзии* он, по сути, отводит решающую роль гипотезе, согласно которой причиной неспособности к интериоризации запретов у угнетенных является не что иное, как угнетение, осуществляемое меньшинством. Кроме того, в той же книге Фрейд указывает на то, что предмет его анализа и критики заключается в состоянии «нашей давно устоявшейся культуры»³⁷. В вводной главе он специально отличает эту культуру от принципиально новой революционной попытки, предпринятой в России, о которой он, по его словам, пока не хочет выносить суждения. В данном случае психоанализм вполне очевидно сталкивается с высказыванием самого Фрейда³⁸. Еще серьезнее то, что молчанием он обходит и конкретную направленность практики Фрейда. Фрейд, в тот период остававшийся в принципиальных вопросах оптимистом, верил в прогрессивные социальные реформы. Именно по этой причине он признавал – вплоть до *Будущего одной иллюзии* – угнетение и эксплуатацию меньшинством большинства, видя в них основные причины несчастья в нашей культуре, на которые, однако, можно воздействовать. Поэтому вполне закономерным было то, что он одобрял такие начинания, как коммунизм, которые стремились к улучшению материального положения людей. И по той же причине

³⁵ Имеется в виду различие греческих слов «πόλις» (город, полис) и «πολύς» (многочисленный). В действительности, стандартная этимология французского и (заимствованного) русского слова «поликлиника» возводит его к «πόλις», «городу». – *Примеч. пер.*

³⁶ Фрейд З. Будущее одной иллюзии / пер. А. Боковой // З. Фрейд. Собрание сочинений в 10 т. Указ. соч. Т. 9. С. 145.

³⁷ Там же. С. 143.

³⁸ Предшествующие тексты Фрейда, в которых концепция неудовлетворенности сочленяется с политической критикой, пережили ту же судьбу. Однако эту политическую критику можно встретить во многих текстах, в частности в *«Культурной» половой морали и современной неврозности* (см.: Фрейд З. Собрание сочинений в 10 т. Указ. соч. Т. 9).

Фрейд собирался направить свою критику в этой книге на «нашу старую культуру»: под вопрос можно было поставить религиозность, теперь сопряженную с большим числом неудобств, чем выгод, поскольку она удерживает людей в невежестве и торможении, способствующих господству над ними (особенно над женщинами).

Вопреки общепринятой трактовке, не следует читать *Будущее одной иллюзии* в свете исключительно дискуссии Фрейда с его другом и швейцарским корреспондентом пастором Оскаром Пфистером, который, будучи психоаналитиком, выступал при этом за союз психоанализа и религии. Нельзя, по крайней мере, отделять эту дискуссию от революционного контекста, на который Фрейд постоянно кивает. Анализ будущего религиозной иллюзии становится для него в этот момент необходимым, поскольку это будущее определяет становление всего общества в целом и все его изменения, в том числе в сексуальных вопросах. Следовательно, эта книга – не только общеполитическое размышление, проведенное с абстрактно-аналитической и метапсихологической точки зрения, но и в равной мере анализ современной ситуации и выбор определенной политической позиции. Аргумент о насилии толп и необходимости их сдерживания обретает свой смысл лишь в ситуации господства религиозной идеологии, которую Фрейд критикует и которая, впрочем, и так находилась в упадке. Ему представляется следующая альтернатива: «Стало быть, либо строжайшее подавление этих опасных масс, самое тщательное ограждение от всех возможностей духовного пробуждения, либо основательная ревизия отношений между культурой и религией»³⁹. Фрейд, конечно, выступает за второе решение, которое он, не колеблясь, сравнивает с «фатальной неумолимостью процесса развития», схожего с взрослением ребенка, – и это одна из причин, по которым он видит в религии детский невроз человечества⁴⁰. Призывая «содействовать» этому процессу, Фрейд незаметно переходит от эволюционистской концепции прогресса общества к политическому вопросу осуществления этого прогресса в современной истории. Ведь, с его точки зрения, речь идет о таком «прогрессе», благодаря которому люди могли бы «примириться» с их «учреждениями»⁴¹, то есть с культурой, и не считать насилие, чинимое последней, необходимым, неизбежным и внеисторическим злом. Конечно, для культурного процесса нужно от чего-то отказаться и чего-то лишиться⁴². Однако не все отказы и лишения необходимы. Это как раз и можно сказать о статусе «ограничений, относящихся лишь к определенным классам общества», которые Фрейд называет «обойденными классами»⁴³. Фрейд формулирует свою тогдашнюю политическую и историческую точку зрения, предоставляя слово своему воображаемому противнику – цинику и реакционеру (но может ли иметься в виду Пфистер, если в переписке с Фрейдом тот сам жалуется на своих коллег-консерваторов?): «Впрочем, неужели история вас ничему не научила? Такая попытка заменить религию разумом однажды уже была сделана – официально и с большим размахом. Вы же помните о Французской революции и Робеспьере? Но тогда, значит, также о недолговечности и плачевном результате этого эксперимента. Теперь он повторяется в России»⁴⁴.

Положительное отношение Фрейда к революции, в данном случае Октябрьской революции и ее светским реформам, в официальном дискурсе игнорируется едва ли не полностью;

³⁹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Указ. соч. С. 173.

⁴⁰ Там же. С. 176.

⁴¹ По словам Фрейда, «было бы несомненным преимуществом (...) честно признать чисто человеческое происхождение всех культурных учреждений и предписаний. Вместе с претенциозной святостью отпали бы также жесткость и неизменность этих законов и повелений. Люди смогли бы понять, что эти законы созданы не для того, чтобы подчинять человека себе, а прежде всего для того, чтобы служить его интересам, люди стали бы относиться к ним более дружелюбно, вместо их упразднения ставили бы целью только их улучшение» (Там же. С. 175).

⁴² Речь о фундаментальных запретах убийства, incesta и каннибализма.

⁴³ Там же. С. 146.

⁴⁴ Там же. С. 179.

но в действительности оно широко известно специалистам по истории психоанализа в России, давно его доказавшим⁴⁵. Также и Райх его формально подтверждает: «Во всяком случае, социальная демократия в России была в начале своего развития самой человеческой позицией, которая оказалась возможной при имевшихся исторических условиях и с учетом психологической структуры людей. Это недвусмысленно признал и Фрейд»⁴⁶.

В свете этих исторических фактов нужно, следовательно, решительно напомнить о том, что в этот период Фрейд не только не осуждает русский коммунизм, но и в определенной мере его защищает. Не игнорируя, возможно, дурной поворот событий в революционной России, он специально указывает на то, что «далек от мысли обсуждать» этот эксперимент в силу его «незавершенности»; с другой стороны, он прямо называет его «великим культурным экспериментом», который находится на стадии своего осуществления, и подчеркивает «грандиозность этого плана, его значимость для будущего человеческой культуры»⁴⁷. Конечно, всегда будет определенный процент людей, которые останутся асоциальными по причине «огромной силы влечений» в человеке. Однако теоретически перемены в воспитании и культуре должны сократить враждебность большинства населения к культуре. В этом тексте Фрейд отстаивает *возможность* коммунистической гипотезы, поскольку она кажется способной провести реформы, которых он сам требует. Описание человеческих влечений и деструктивности нашей «старой культуры» не мешает прогрессивным переменам и никоим образом не исчерпывает политических возможностей, как раз наоборот. Придерживаясь своей эволюционистской, филогенетической позиции, Фрейд косвенно выступает за социальный прогресс, который, как ему кажется, осуществляется в это именно время. Разве задача его книги не в том, чтобы рассмотреть нерелигиозное воспитание? За этим намерением скрывается вполне сознательная надежда – «найти клад, который может обогатить культуру»: «Благодаря тому, что он [человек] перестанет чего-либо ждать от загробной жизни и сконцентрирует все высвободившиеся силы на земной жизни, он, вероятно, сумеет добиться того, чтобы жизнь стала сносной для всех, а культура никого больше не угнетала»⁴⁸. Поэтому неудивительно, что, по словам Вильгельма Райха, «в частном разговоре, состоявшемся в 1926 году, Фрейд выразил надежду на удачный исход революционного „эксперимента“ в Советской России»⁴⁹. И нам следует прежде всего заняться не пессимистическим и внешне аполитичным контекстом 1930-х, к которому мы вернемся позже, но этой забытой надеждой, которую в целом разделяли все аналитики 1920-х годов.

Практическая ангажированность Фрейда и аналитиков

1917 год – в этот год началась «заря народов», это потрясение разумов, которое пробежало, подобно вспыхнувшей пороховой дорожке, по всем странам. Великая октябрьская революция дарит большинству надежду на лучшую жизнь. Кажется, что она действительно

⁴⁵ *Marti J.* La psychanalyse en Russie, 1909–1930 // Critique. No. 346. Paris: Minuit, 1976; *Miller M.* Freud au pays des soviets. Paris: Les empêcheurs de penser en rond, 2001. Конечно, Фрейд высказывает опасения относительно возможности упразднить религию «насилованно и одним махом». Но он делает эту оговорку, чтобы согласиться с одним из аргументов Маркса, согласно которому религия – это опиум для народа, и чтобы обратить свою критику на положение США: «Верующий не позволит лишить себя своей веры ни аргументами, ни запретами. (...) Кто десятилетиями принимал снотворное, тот, разумеется, не сможет спать, если у него отнять это средство. То, что воздействие религиозных утешений можно приравнять к воздействию наркотиков, прекрасно иллюстрируется событиями в Америке. Там сейчас хотят лишить людей (...) всех возбуждающих и опьяняющих средств и в качестве компенсации пресыщают их страхом божьим» (Фрейд З. Будущее одной иллюзии. Указ. соч. С. 182).

⁴⁶ Райх В. Открытие Оргона. Функция оргазма / пер. В. Костенко. М.: Серебряные нити, ЦГИ, 2022. С. 179.

⁴⁷ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. С. 142–143.

⁴⁸ Там же. С. 183.

⁴⁹ Райх В. Открытие Оргона. Функция оргазма. Указ. соч. С. 181. См. также: *Marti J.* La psychanalyse en Russie. Op. cit. P. 235.

предвещает новую эпоху. Россия, в те годы страна в целом экономически отсталая, словно бы вырвалась в авангард прогрессивных политических движений, которые с начала XX века развивались различными социалистическими и коммунистическими интернационалами. Революция постепенно ширится, захватывая всё новые и новые страны... Вскоре после большевистской революции наступает конец и Австро-Венгерской империи. Город Фрейда, Вена, провозглашает республику, завершая тем самым шесть веков монархии. Фрейд указывает на неминуемость этого переворота в письмах Шандору Ференци, близкому ему психоаналитику: несмотря на ощущаемое им «глухое напряжение», он не может «сдержать удовлетворения», вызванного мыслью о «благоприятном итоге» «распада прусского государства»⁵⁰. Сразу после перемирия он пишет в том же духе: «Уходя, Габсбурги не оставили после себя ничего, кроме кучи глупостей»⁵¹. Вопреки ортодоксальному прочтению, которое, следуя ретроспективной иллюзии, отстаивает представление об идеологическом расколе между фрейдовским движением в Западной Европе и революционной Россией⁵², последняя, с точки зрения современников, встраивается, напротив, в тот же горизонт, что и политико-идеологические потрясения, прокатившиеся по всей Европе.

Именно на пике революционных событий Фрейд выступает в 1918 году со своей знаменитой речью о создании поликlinik: «А теперь в заключение я хотел бы рассмотреть ситуацию, которая принадлежит будущему, которая многим из вас покажется фантастической, но которая, как я полагаю, заслуживает всё же того, чтобы мысленно к ней подготовиться. Вы знаете, что наша терапевтическая деятельность не очень интенсивна. Мы только горстка людей, и каждый из нас даже при напряженной работе может посвятить себя в течение года лишь небольшому числу больных. По сравнению с избытком невротического страдания, которое имеется в мире и которого, наверное, быть не должно, то, что мы можем из него устранить, в количественном отношении едва ли принимается во внимание. Кроме того, условиями нашего существования мы ограничены состоятельными верхними слоями общества. (...) Для широких слоев населения, тяжело страдающих от неврозов, в настоящее время мы ничего сделать не можем. Представьте себе теперь, что благодаря какой-то организации нам удалось бы настолько увеличить наше число, что нас хватало бы для лечения больших человеческих масс. С другой стороны, можно предвидеть: когда-нибудь совесть общества проснется и напомним ему, что бедный человек имеет такое же право на получение психологической помощи, какое он уже сейчас имеет на спасающую жизнь – хирургическую. И то, что неврозы угрожают здоровью народа не меньше, чем туберкулез, и точно так же, как туберкулез, не могут быть предоставлены бессильной заботе отдельного человека из народа. Тогда будут созданы лечебницы или амбулатории, в которых будут работать психоаналитически обученные врачи, чтобы посредством анализа сохранить дееспособными и выносливыми мужчин, которые иначе предались бы пьянству, женщин, которые грозят развалиться под тяжестью лишений, детей, перед которыми стоит только выбор между запустением и неврозом. Это лечение будет безвозмездным»⁵³.

Хотя это выступление сыграло важную роль в психоанализе, защита Фрейдом безвозмездного психоанализа⁵⁴ как элемента общественно-политического пространства не явля-

⁵⁰ Freud S., Ferenczi S. Correspondance 1914–1919. Paris: Calmann-Lévy, 1996. Т. II. P. 331.

⁵¹ Danto E. A. Psychanalyse et justice sociale // *Le Coq-Héron*. No. 201. 2010. P. 56. В этой главе мы во многом опираемся на исследования этого историка и на две ее статьи, переведенные на французский в журнале *Le Coq-Héron* (ее книга не переведена: Danto E. A. Freud's Free Clinics: Psychoanalysis and Social justice, 1918–1938. New York: Columbia University Press, 2005), а также на работу: Jacoby R. Destins de la gauche freudienne. Paris: Puf, 1986.

⁵² Можно отметить, что на другом краю ревизионистского спектра обнаруживаются антикоммунистические историки, которые утверждают, что поликlinik Фрейда якобы финансировались КГБ при посредничестве Эйтингтона (*Эткинд А. Эрос невозможного*. М.: Гнозис, Прогресс-Комплекс, 1994).

⁵³ Фрейд З. Пути психоаналитической терапии // З. Фрейд. Собрание сочинений в 10 т. Дополнительный том. Указ соч. С. 248–249.

⁵⁴ Удивительно, что ортодоксальный психоанализм обращает внимание только на те тексты Фрейда, в которых говорится

ется чем-то исключительным и случайным. В те годы это доказал оглушительный успех его речи, которая станет основанием для создания более дюжины поликлиник в крупнейших городах Европы. Все прогрессивные деятели смотрели тогда на Восток, и многие из них давно боролись за создание социалистического общества. Участие аналитиков в создании поликлиник нельзя отделять от этого революционного горизонта. Некоторые несколько не скрывали своей связи с последним. Так, Шандор Ференци, близкий к Фрейду аналитик, убежденный в том, что психоаналитики, пренебрегающие «реальными условиями различных классов общества», отказываются от тех, для кого повседневная жизнь особенно тяжела⁵⁵, получает от Дьердя Лукача, философа и революционного венгерского руководителя, приглашение возглавить первую кафедру психоанализа в Венгерской советской республике, в университете Будапешта⁵⁶. Также под его начальство отдается частная клиника, где он должен открыть центр аналитического лечения. Таким образом, нужно подчеркнуть, что впервые «институционализация» психоанализа состоялась в революционном государстве. В целом аналитики в силу самого своего отношения к сексуальности и воспитанию создавали культурное сопровождение для политических преобразований того времени. В подавляющем большинстве они придерживались левой стороны политического спектра. Эрнст Зиммель председательствовал в Обществе врачей-социалистов. Хелен Дойч, занимавшая более радикальную позицию, была близка к Розе Люксембург. Фрейд и сам не был исключением из правила. В 1918 году он возлагал надежды на Виктора Адлера, основателя Второго Интернационала, который собрал революционных марксистов и социалистов-реформистов⁵⁷ и которого положительно характеризовал сам Троцкий⁵⁸. Аналитики защищают народное образование, открывают ясли, борются за право на аборт. Фрейд поддерживает аналитические инициативы своих коллег, в частности Зигфрида Бернфельда и Августа Айхорна, которые работают с малолетними правонарушителями. Также он дает добро на создание журнала *Психоаналитическая педагогика*, в котором участвуют все наиболее известные психоаналитики⁵⁹. В середине 1920-х годов он одобряет начинание молодых аналитиков, которые решили больше заниматься рабочими; создавая «аванпосты», нацеленные на применение психоанализа в рабочих кварталах, они еще ближе подходят к осуществлению наказа Фрейда создать народную психотерапию. Так, Карл Ландауэр организует вместе с Эрихом Фроммом и несколькими другими коллегами «Рабочее психоаналитическое общество Юго-Восточной Германии»⁶⁰, тогда как Райх с четырьмя другими аналитиками и тремя акушерами открывает шесть центров сексуальной гигиены, которые «тут же набиваются под завязку»⁶¹, чтобы распространять информацию о воспитании детей и контрацепции в народной среде.

Фрейд часто роптал на Вену и ее буржуазные власти, особенно когда ему и его коллегам несколько лет не давали открыть в городе поликлинику. В то же самое время он стал известен и признан в этом городе, проводившем радикальные социальные проекты, и даже поучаствовал в одной из кампаний венской партии, в которой распределялись подарки для новорожденных из семей безработных. Юлиус Тандлер, знаменитый анатом и блестящий университетский

о «неудобствах» безвозмездности (особенно его статью 1913 *О начале терапии*) и при этом «забывает» этот вполне официальный момент, когда безвозмездность лечения была им одобрена.

⁵⁵ Цит. по: Danto E. A. Une révolution dans "l'âme de l'homme" // Le Coq-Héron. No. 201. 2010. P. 28.

⁵⁶ Palmier J. -M. La psychanalyse en Hongrie // Jaccard R. Histoire de la psychanalyse. Paris: Hachette, 1982. Vol. 2. P. 165; Moreau-Ricaud M. La psychanalyse à l'université: histoire de la première chaire, Budapest avril 1919–juillet 1919 // Psychanalyse à l'université. Vol. 15. No. 60. Paris: Puf, 1990; Kadarkay A. Georg Lukács: Life, Thought, and Politics. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

⁵⁷ Freud S., Ferenczi S. Correspondance 1914–1919. Op. cit. T. II. P. 342.

⁵⁸ Троцкий Л. Д. Виктор Адлер (Австрийская социал-демократия) // Л. Д. Троцкий. Сочинения. М., Л.: Госиздат, 1926. Т. 8. Перед историческим рубежом. Политические силуэты. С. 7–16.

⁵⁹ Cifali M., Moll J. Pédagogie et psychanalyse. Paris: Dunod, 1985.

⁶⁰ Rothe H. -J., Landauer K. Theorie der Affekte und andere Schriften zur Ich-Organisation. Frankfurt: Fischer TB, 1991.

⁶¹ Sinelnikoff C. La vie militante de Wilhem Reich // L'œuvre de Wilhem Reich. T. 1. Paris: Maspero, 1970. P. 15.

преподаватель, многое сделавший в роли администратора социальной системы новой республики для снижения детской смертности, признает: «Роль Фрейда в Вене вряд ли может стать предметом споров», добавляя, что он, «возможно, один из тех, кто оказал влияние на всю эпоху в целом»⁶². Фрейд, получивший звание почетного гражданина, на свое семидесятилетие передаст часть накопленных средств созданной наконец поликлинике. Как и другие венские врачи 1920-х, для своих сеансов Фрейд выписывал платежные поручения (*Erlagscheine*), которые служили своего рода альтернативными деньгами, что было типичной для Красной Вены инновацией, и которые можно было возместить деньгами или временем⁶³. В одном письме Паулю Федерну, члену психоаналитического общества и муниципального совета Вены, Фрейд утверждает, что «сегодня быть бедным – уже не несчастье»⁶⁴. Практика и споры, будоражившие в то время аналитиков, вращались вокруг «неклассических подходов». Они отстаивали «равенство полов», «декриминализацию гомосексуальности» и «сексуальное освобождение»⁶⁵.

В эту эпоху психоаналитик помогает политике и даже предвещает ее, указывая своей практикой путь, который надо выбрать. Фрейд в своей будапештской речи уточняет отношения государства к поликлиникам: они создаются *в расчете* на то, что государство «будет воспринимать эти обязанности как настоятельные»⁶⁶. Следует признать, что в целом политический контекст склоняет к такой точке зрения. Старый мир и его традиции рушатся, и кажется, что психоанализ открывает новые, судьбоносные, горизонты. Под влиянием работы *Психоанализ масс* Эрнста Зиммеля, основателя берлинской поликлиники, немецкое правительство едва не создало кафедру психоанализа⁶⁷. Как мы уже отметили, такая кафедра и правда была создана в революционной Венгрии, где, как рассказывает Ференци, «Психоанализ всячески приветствуют, и я с трудом отказываюсь от всех этих приглашений»⁶⁸. Но именно в России складывается наиболее передовой опыт – в результате создания Государственного психоаналитического института, к которому будут приписаны клиники и детский дом. Не должно ли было желание Фрейда создать безвозмездную народную терапию, за которую должен нести ответственность коллектив, – желание, которое объединило всех ведущих деятелей психоанализа в стремлении открывать, за невозможностью лучшего решения, частные поликлиники, – в самом скором времени осуществиться в Стране Советов? Фрейд, «впечатленный» русским началом, одобряет его, так же как Анна Фрейд и Мари Бонапарт; большинство аналитиков, не считая Джонса (который, впрочем, не присутствовал на основополагающем конгрессе в Будапеште⁶⁹), не раз похвалят советский детский дом-лабораторию⁷⁰. «Возможно, свет придет с Востока»⁷¹, – откровенничает Фрейд с Райхом. С точки зрения большинства аналитиков, в эти революционные годы русский опыт, бесспорно, дарил прогрессивным движениям Европы надежду, которую они полностью разделяли.

⁶² Danto E. A. *Psychanalyse et justice sociale*. P. 57.

⁶³ Danto E. A. *Une révolution dans l'âme de l'homme*. Op. cit. P. 30.

⁶⁴ Цит. по: Danto E. A. *Psychanalyse et justice sociale*. Op. cit. P. 58.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ Фрейд З. Пути психоаналитической терапии. Указ. соч. С. 249.

⁶⁷ Tréhel G. Ernst Simmel (1882–1947): *Psychanalyse des masses* // *L'information psychiatrique*. John Libbey Eurotexte, 2016. P. 327–335.

⁶⁸ Freud S., Ferenczi S. *Correspondance 1914–1919*. Op. cit. T. II. P. 384.

⁶⁹ К этому мы еще вернемся.

⁷⁰ Miller M. *Freud au pays des soviets*. Op. cit. P. 93.

⁷¹ Reich W. *Reich parle de Freud*. Paris: Payot, 1972. P. 33.

Сексуальная революция и психоанализ в Октябрьской революции

Психоанализ был известен в России и до 1917 года, особенно в интеллектуальной элите, его поддерживала также значительная часть революционеров. Ведь, с их точки зрения, задача состояла в изменении жизни, что в русской ситуации было сложным. До революции законы, регулирующие семейную жизнь, входили в «Свод законов Российской империи» и позволяли, в частности, родителям в случае неповиновения детей отправлять их в тюрьму. Брак был таинством, развода не существовало, православная церковь и ее мораль почти нераздельно властвовали над психической жизнью отдельного человека. Психоанализ позволит переосмыслить на нерелигиозных основаниях такие сферы жизни, как воспитание, отношение мужчины и женщины, семья и сексуальность. Вот почему пришедшие к власти революционеры отводят ему важное место в строительстве нового общественного порядка.

Однако интерес к психоанализу не ограничивается новыми властями. В действительности в 1920-х русская революционная молодежь помешалась на психоанализе. Брошюры о Фрейде и сексуальной революции, производимые в среде немецких революционеров и особенно феминисток, получают широкое распространение – настолько широкое, что Ленин, относившийся к этому подходу враждебно, разоблачает его, называя контрреволюционным. Клара Цеткин, феминистка из немецкой коммунистической партии, близкая к Ленину, выслушивает его заявления с изумлением: «Мне говорили, что на вечерах чтения и дискуссий с работницами разбираются преимущественно вопросы пола и брака. Это будто бы предмет главного внимания политического преподавания и просветительной работы. (...) Говорят, что наибольшим распространением пользуется брошюра одной венской коммунистки о половом вопросе. Какая ерунда эта книжка! (...) Упоминание в брошюре гипотез Фрейда придает ей как будто „научный“ вид, но всё это кустарная пачкотня»⁷².

Вопреки этой враждебности, Октябрьская революция, испытав воздействие феминизма, утвердит права женщин в большей мере, чем любой другой режим той эпохи. Александра Коллонтай, которая в 1923 году станет первой женщиной-послом в истории, создает вместе с Инессой Арманд Женотдел при Центральном Комитете, отвечающий за дела женщин. Все ценности прошлого, лежавшие в основе системы воспитания и семьи старого общества, теперь поставлены под вопрос. Поддержку получают новые формы любовных отношений, принимаются законы о сексуальной реформе. «Молодежные коммуны», создаваемые в рамках комсомола⁷³, пытаются освободиться от семейной жизни, практикуя свободную любовь в коллективистском и автономном русле. Некоторые фракции официального революционного движения, стоящие левее Ленина и Троцкого, открыто отстаивают создание иных любовных отношений, замещающих семью⁷⁴. С точки зрения этого радикального течения (тогда весьма популярного) отмена разделения труда и связанного с ним неравенства должна осуществляться параллельно

⁷² Цеткин К. Воспоминания о Ленине. М.: Госполитиздат, 1955. С. 44.

⁷³ Эти коммуны, образованные беднейшими крестьянами, сначала поддерживаются советской властью. Они представляют «наиболее последовательную попытку осуществить на практике коммунистический освободительный идеал – прямую демократию, радикальное равенство и связь человека с человеком». См.: *Aunoble É. Le communisme, tout de suite. Le mouvement des communes dans l'Ukraine soviétique*. Paris: Les nuits rouges, 2008. Как отмечает Онобль, коммунары и коммунисты в этом случае становятся синонимами.

⁷⁴ *Kollontai A. Marxisme et révolution sexuelle*. Paris: Maspero, 1977. По словам Александра Гойхбарга, автора нового семейного кодекса, в действительности задача состоит в том, чтобы подготовить условия, при которых «сковывание мужа и жены станет совершенно излишним». Что касается «духа законов», которые были провозглашены, он отмечает: «Пролетарская власть строит свои кодексы, как и все свои законы, диалектически, строит их так, чтобы каждый день их существования подрывал необходимость их существования в виде законов власти; ставит целью своих законов сделать излишними законы» (*Гойхбарг А. Г. Первый кодекс законов Р.С.Ф.Р.С. // Пролетарская революция и право. № 7. 1918; цитируется также в: Goldman W. Women, the State and the Revolution: Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 1).*

с отменой того, что сегодня мы назвали бы «гендерным неравенством», в рамках вполне сознательного движения сексуального освобождения ⁷⁵. Наряду с восьмичасовым рабочим днем и правом на землю признается избирательное право женщин, устанавливается равенство в зарплате, определяемой пропорционально навыкам, вводятся декретные отпуска. В самом скором времени после Октябрьской революции учреждается гражданский брак и свобода развода. Декрет от 23 января 1918 года устанавливает полное разделение церкви и государства. С этого момента любовная жизнь и любовные узы, так же как и школьное воспитание детей, освобождаются от старых оков. Партийная программа 1919 года идет еще дальше, предусматривая обобществление домашнего труда, необходимое для освобождения женщин. Создаются проекты общественных столовых, яслей, детских садов. Новые законы также позволяют супругам выбирать фамилию – жены, мужа или обоих ⁷⁶

⁷⁵ Об этих вопросах см., в частности: *Clech A. Révolutions russes: l'émergence et l'affirmation d'une conscience de soi homosexuelle? // Comment s'en sortir. No. 5. Le sexe de la révolution. 2017.*

⁷⁶ Троцкий возьмет фамилию своей жены Седовой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.